

ПОЭТИКА ДВОЙНИЧЕСТВА И ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В РОМАНАХ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ» И «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

Цой Кристина Владимировна

старший преподаватель

Узбекского государственного университета мировых языков

E-mail: Tsoy_christina@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21699955>

Аннотация. В статье исследуется поэтика двойничества и её прямая связь с проблемой самоидентификации личности в русскоязычных романах В. Набокова «Отчаяние» и «Приглашение на казнь». На основе сравнительно-поэтического анализа выявляется кардинальное различие двух типов двойничества: ложной (иллюзорной) идентификации Германа Карловича и онтологического (метафизического) отчуждения Цинцинната Ц. Автором доказано, что если в «Отчаянии» феномен двойника выступает механизмом самообмана и разрушения личности, то в «Приглашении на казнь» расщепление окружающего мира становится способом преодоления абсурдной реальности и обретения истинного «Я». Статья раскрывает специфику набокковского нарратива, где двойничество служит ключевым инструментом художественного моделирования кризиса сознания.

Ключевые слова: В. Набоков, поэтика двойничества, самоидентификация, «Отчаяние», «Приглашение на казнь», субъект нарратива, метафизика личности, иллюзорность.

Abstract. The article examines the poetics of the doppelgänger motif and its direct link to the problem of self-identification in V. Nabokov's Russian-language novels "Despair" and "Invitation to a Beheading". Based on a comparative poetic analysis, a fundamental distinction between two types of doubling is revealed: the false (illusory) identification of Hermann Karlovich and the ontological (metaphysical) alienation of Cincinnatus C. It is demonstrated that while in "Despair" the phenomenon of the double serves as a mechanism of self-deception and personality destruction, in "Invitation to a Beheading" the splitting of the surrounding world becomes a means of overcoming an absurd reality and discovering the true self. The paper highlights the specifics of Nabokovian narrative, where the motif of doubling acts as a primary artistic tool for modeling the crisis of consciousness.

Keywords: V. Nabokov, poetics of doubling, self-identification, "Despair", "Invitation to a Beheading", narrative subject, metaphysics of personality, illusoriness.

Annotatsiya. Ushbu maqolada V. Nabokovning "Qalloblik" ("Отчаяние") va "O'lim qatlida taklifnoma" ("Приглашение на казнь") romanlarida qo'shaloqlik (doppelgänger) poetikasi hamda uning shaxsning o'zini anglash (samoidentifikatsiya) muammosi bilan uzviy bog'liqligi tadqiq etiladi. Qiyosiy-poetik tahlil asosida ikki xil qo'shaloqlik modelining tub farqlari ochib beriladi: German Karlovichning soxta (illyuzor) identifikatsiyasi va Sinsinnat S.ning ontologik (metafizik) begonalashuvi. Muallif tomonidan "Qalloblik" romanida qiyofaoshlik fenomeni o'z-o'zini aldash va shaxsiyatning yemirilishi mexanizmi bo'lib xizmat qilish, "O'lim qatlida taklifnoma"da esa atrof-muhitning parchalanishi puch voqelikni yengib o'tish va haqiqiy "Men"ni topish vositasiga aylanishi isbotlangan. Maqola Nabokov narrativining o'ziga xosligini yoritib, qo'shaloqlik motivini ong inqirozini badiiy modellashtirishning asosiy quroli sifatida ko'rsatib beradi.

Kalit soʻzlar: V. Nabokov, qoʻshaloqlik poetikasi, oʻzini anglash, “Qalloblik”, “Oʻlim qatlida taklifnoma”, narrativ subyekti, shaxs metafizikasi, illyuzorlik.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема самоидентификации личности и её художественное осмысление составляют фундаментальный вектор творческих поисков В. В. Набокова. В русскоязычном периоде его прозы **мотив двойничества** трансформируется из классического романтического и психологического приема в **метафизический инструмент** исследования кризиса сознания. Если в русской классической традиции (в частности, у Ф. М. Достоевского) двойник выступает социальным или морально-психологическим антиподом героя [Достоевский, 1972, с. 124], то у Набокова феномен двойничества становится **структурообразующим элементом нарратива**, размывающим границы между субъектом и объектом, реальностью и текстовой иллюзией [Джонсон, 1997, с. 88].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью переосмысления набоковской концепции личности через призму взаимодействия **поэтики двойничества и механизмов самоидентификации**. Романы «Отчаяние» (1934) и «Приглашение на казнь» (1935), созданные последовательно, представляют собой уникальный диптих, в котором автор демонстрирует две противоположные модели кризиса индивидуальности: **самообман через иллюзорную идентификацию и поиск подлинного «Я» в условиях абсурдного социума**.

В «Отчаянии» Герман Карлович конструирует **ложного двойника** (Феликса), стремясь доказать свое эстетическое превосходство, что приводит к полному распаду его личности и нарративному краху. Напротив, в «Приглашении на казнь» Цинциннат Ц., находясь в мире «кукольных» фальшивых двойников, проходит путь **онтологического отчуждения**, преодолевая фальшивую reality окружающего мира ради обретения метафизической свободы [Бойд, 2010, с. 412].

Цель данной статьи — провести сравнительно-поэтический анализ функций мотива двойничества в романах «Отчаяние» и «Приглашение на казнь» и определить его роль в процессе самоидентификации главных героев. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть природу **иллюзорного двойничества** Германа, проанализировать **феномен непрозрачности** Цинцинната и сопоставить финал обоих произведений с точки зрения трансформации авторского субъекта.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В романе «Отчаяние» поэтика двойничества построена на сознательном конструировании мифа о внешнем сходстве между главным героем, Германом Карловичем, и бродягой Феликсом. Набоков подвергает критике классический мотив созидательного «второго я», превращая его в **механизм нарративного самообмана**. Для Германа идея двойника — это не психологическое откровение, а чисто эстетический проект: **«Мое сходство с ним — вот что было оригинально, вот что было художественным открытием»** [Набоков, 1999а, с. 38]. С точки зрения проблемы самоидентификации, герой страдает от крайнего **солипсистского нарциссизма**: он насильно экстраполирует собственное «Я» на абсолютно чуждого ему человека. Набоковский нарратор видит в бродяге не реальную личность с ее индивидуальным

опытом, а **пассивный зеркальный отражатель**, призванный подтвердить его собственную гениальность [Ходасевич, 1996, с. 205].

Однако авторский подтекст последовательно разоблачает эту иллюзию, демонстрируя, что Феликс является онтологическим антиподом героя, а их «сходство» существует лишь в искаженном воображении убийцы. Разрыв между вымышленной эстетической гармонией и реальным физическим расхождением приводит к постепенной **деструкции авторского субъекта**. Набоков показывает, как попытка искусственного конструирования двойника ради совершения «идеального преступления» обращается **полным расщеплением сознания** и утратой контроля над собственным текстом. Герман не просто совершает ошибку — он оказывается жертвой собственного же эстетического замысла, где мнимый двойник из инструмента утверждения эго превращается в символ его неизбежного нарративного, психологического и личностного краха. Поэтика двойничества здесь обнажает метафизическую трагедию человека, пытающегося подменить объективную reality собственными софизмами.

Таблица 1. Поэтика двойничества и проблема самоидентификации в романах В. Набокова: сравнительный анализ			
Параметры сравнения	«ОТЧАЯНИЕ» (1934)	«ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ» (1935)	
Природа двойничества	Ложное (иллюзорное) двойничество Сознательно сконструированное сходство Германа Карловича и Феликса ради эстетического самоутверждения.	Онтологическое (метафизическое) двойничество Мир и люди вокруг Цинцинната — «кукольные» двойники, лишённые подлинного бытия.	
Главный герой	Герман Карлович Эгоцентричный наблюдатель, нарцисс, стремящийся к превосходству над «другим».	Цинциннат Ц. Чуждый обществу, метафизический мыслитель, стремящийся к внутренней свободе и подлинному «Я».	
Функция двойника	Инструмент самообмана и игры Двойник используется для создания ложной идентичности и реализации эстетического замысла.	Катализатор прозрения и освобождения Двойники искажённого мира помогают герою увидеть абсурдность реальности и обрести истинное понимание себя.	
Процесс самоидентификации	Деградация и разрушение «Я» Погружение в иллюзию приводит к потере контроля над собой и к катастрофе.	Поиск подлинного «Я» Через отчуждение и внутреннее сопротивление герой обретает метафизическую свободу от ложной реальности.	
Нарративная стратегия	Ненадёжный рассказчик Рассказ ведётся от первого лица; читатель постоянно сомневается в правдивости происходящего.	Философский наблюдатель Отстранённая, аналитическая интонация; граница между реальным и иллюзорным постепенно стирается.	
Результат (финал)	Крах личности и нарратива Герман осознаёт свою интеллектуальную несостоятельность и терпит полное поражение.	Обретение свободы через смерть Смерть становится для Цинцинната актом освобождения и возвращением к истинному бытию.	
ОБЩИЙ ВЫВОД В романах В. Набокова мотив двойничества выступает ключевым инструментом моделирования кризиса личности: от саморазрушения через иллюзию («Отчаяние») к обретению подлинного «Я» в условиях абсурда («Приглашение на казнь»).			

Если в «Отчаянии» герой стремится насильно навязать миру своего двойника, то в «Приглашении на казнь» В. Набоков моделирует принципиально обратную художественную ситуацию: уникальный, «непрозрачный» индивид оказывается заперт в мире плоских, фальшивых двойников. Окружающее Цинцинната Ц. общество представляет собой тоталитарный социум «картонных масок» и двойников-пародий, где ключевым требованием к человеку является **абсолютная прозрачность сознания** [Линецкий, 1996, с. 78]. В этом гротескном пространстве все персонажи — от тюремщика

Родиона до собственной жены Марфиньки — являются лишь схематичными дубликатами друг друга, лишенными подлинного бытия. Цинциннат виновен перед этим миром в своей неповторимой органичности и сложной душевной структуре, оскверняющей плоский и предсказуемый уклад кукольного существования.

В отличие от Германа, Цинциннат не пытается найти физического двойника в окружающем пространстве; напротив, феномен двойничества навязывается ему самой абсурдной системой, где палач Пьер под видом «друга» и «сокамерника» пытается сыграть роль **ложного эго-двойника**. Однако самоидентификация Цинцинната происходит не через слияние с социумом, а через **онтологический разрыв с фальшивым миром**. Напряженная работа над словом в тюремной камере становится для героя способом преодоления дробности бытия, где язык выступает единственным инструментом сборки собственного «Я». В финале романа, когда искусственные «декорации» реальности распадаются, а тюремные стены превращаются в пыль, герой устремляется в сторону существ, подобных ему [Набоков, 1999b, с. 301]. Это доказывает, что подлинная самоидентификация набоковского героя возможна лишь через категорическое отрицание иллюзорных двойников и выход в **высшее метафизическое измерение** свободной и целостной личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный сравнительно-поэтический анализ романов В. В. Набокова «Отчаяние» и «Приглашение на казнь» позволяет сделать глубокие выводы о специфике поэтики двойничества и её определяющей роли в процессе самоидентификации личности. В исследуемых произведениях автор демонстрирует два принципиально противоположных вектора развития мотива двойника: **иллюзорную (ложную) идентификацию** в «Отчаянии», где герой насильно конструирует двойника ради утверждения собственного эго, и **онтологическое отчуждение** в «Приглашении на казнь», где герой вынужден противостоять миру фальшивых двойников-пародий. В первом случае набоковский персонаж пытается подчинить окружающую действительность своим эстетическим фантазиям, однако эта эгоцентрическая попытка неизбежно приводит к **распаду нарратора**, искажению авторского текста и полной психологической деструкции личности. Во втором случае категорический отказ Цинцинната Ц. от слияния с кукольным социумом и навязываемыми им ложными эго-двойниками становится единственным способом **сохранения внутренней целостности** и духовного преодоления фальшивой реальности.

Сопоставительное исследование показывает, что феномен двойничества у Набокова выводится далеко за рамки традиционного психоаналитического или социального приема. Двойничество превращается в **фундаментальный инструмент художественного моделирования кризиса сознания**, где зеркальность выступает либо ловушкой солипсизма, либо импульсом к подлинному самопознанию. Эволюция этого мотива в русскоязычном творчестве писателя наглядно отражает его концептуальный вектор: от драматического разоблачения эстетического самообмана и нарциссизма к абсолютной победе духа над абсурдом бытия и утверждению **метафизической свободы человеческой личности** в инобытийном измерении.

1. Набоков В. В. Отчаяние // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. — СПб.: Симпозиум, 1999а. — Т. 3. — С. 33–166.
2. Набоков В. В. Приглашение на казнь // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. — СПб.: Симпозиум, 1999б. — Т. 4. — С. 215–352.
3. Александров В. Е. Набоков и серебряный век: эссе о тайне / пер. с англ. — СПб.: Академический проект, 1996. — 320 с.
4. Барабтарло Г. А. Сочинение Набокова. — СПб.: Изд-во Иван Лимбах, 2011. — 488 с.
5. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. Биография / пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 2001. — 696 с.
6. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. — М.: Новое литературное обозрение, 1998. — 208 с.
7. Ерофеев В. В. В поисках потерянного рая (Русский метароман В. Набокова) // Набоков В. В. Избранное. — М.: Радуга, 1990. — С. 5–22.
8. Линецкий В. В. Анти-Бахтин, или Поэтика Набокова. — СПб.: Издательство Мирти, 1996. — С. 65–92.
9. Липовецкий М. Н. Эпилог русского модернизма: Художественная философия творчества В. Набокова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. пед. ун-та, 1994. — 214 с.
10. Мулярчик А. С. Русская проза Владимира Набокова. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 142 с.
11. Ходасевич В. Ф. О Набокове // Колеблемый треножник: Избранное. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 458–464.
12. Connolly J. W. Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self-Cognition. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — 224 p.
13. Foster J. B. Nabokov's Art of Memory and European Modernism. — Princeton: Princeton University Press, 1993. — 276 p.
14. Johnson D. B. Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov. — Ann Arbor: Ardis, 1985. — Pp. 78–110.